

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ  
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**ВОСТОКОВЕДНЫЙ  
СБОРНИК**

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Москва  
2001

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК**  
ВЫПУСК ВТОРОЙ

Ответственные редакторы  
Владимир Александрович ИСАЕВ,  
Александр Оскарович ФИЛОНИК

Редактор  
Михаил Исаакович ШТЕМПЕЛЬ

Подписано в печать 28.05.2001 г.

Формат 60x90/16. Печать офсетная  
Бумага офсетная №1 Объем 23,375 уч. изд. л.  
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 39

---

**Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»**  
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК (выпуск второй)  
М., 2001, 374 стр.

Ответственные редакторы

**В.А.Исаев**  
**А.О.Филоник**

ISBN 5-89394-061-X

Сборник включает работы российских и арабских авторов из различных научных центров России и содержит разнообразные исследования по странам Востока

Редактор

**М.И.Штемпель**

ISBN 5-89394-061-X

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

Н.З. Мосаки

### КУРДИСТАН: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Современное геополитическое положение Курдистана и состояние курдского вопроса – результат *геополитической эволюции* курдского этнопространства. Под геополитической эволюцией Курдистана как курдского этнорегиона понимается процесс серьезных изменений (не вылившихся в его геополитическое самоопределение), происходивших на территориях курдских племенных и квазигосударственных объединений, простирающихся от Закавказья и Армяно-Курдского нагорья до Персидского залива в XVI–XX вв., выразившийся в подчинении курдского геопространства внешними геополитическими силами (субъектами геополитики). Этот процесс охватывает раздел сфер влияния над стратегически важными территориями Курдистана и Армении, впоследствии оформившийся в межимперский турецко-иранский раздел этого пространства; его дробление, создание хрупких экстерриториальных балансов; геозтническую экспансию курдских племен на север и запад и курдизацию этих территорий; существование многочисленных полунезависимых курдских локалитетов; интернационализацию курдского вопроса; химерическую возможность создания курдского государства на основе Севрского договора и окончательный раздел Курдистана с фиксированными границами по Лозаннскому договору.

В результате этого процесса Курдистан так и не обрел *геополитической самодостаточности* и был лишен возможности формировать свою *геополитическую идентичность*.

#### 1. Раздел Курдистана Османской империей и Ираном

Исторически территория Курдистана с его труднопроходимым горным рельефом, занимая пограничное положение в самом центре Древнего мира (по выражению В.Никитина, «на стыке двух миров»), издавна служила как барьером, так и плацдармом в межимперских столкновениях. Так было во время эллино-, а впоследствии римско- и византийско-персидских войн, арабско-византийского соперничества и других региональных столкновений. Территория Курдистана находилась в центре региональных отношений в пространстве между Малой Азией, Ираном, Арабским миром и Кавказом.

Однако собственно *вопрос Курдистана как региональный геополитический вопрос* или как вопрос геополитической принадлежности территорий, населенных курдами, возник в XVI в. как составная часть османо-

персидского геополитического противоборства. Начиная с этого периода (со времени своего возникновения), вопрос Курдистана приобретает постоянно действующий характер.

Геополитическое значение Курдистана начинает определяться борьбой сопредельных империй.

Создание Османской империи и начало столкновений с Ираном ознаменовали начало современной истории Курдистана.

С XVI в. «пространство между Грузией и Южным Загросом», представлявшее собой *динамичную* мозаику курдских автономных (независимых) микросударств (княжеств)<sup>1</sup>, начинает испытывать воздействие мощных геополитических потоков, исходящих из двух крупнейших империй Западной Азии – Османской и Иранской.

Начинается эпоха раздела с последующей легитимацией этого раздела раздробленного Курдистана.

Для Ирана лежащий к северо-западу от него Курдистан всегда был важным элементом *геостратегического региона*, контроль над которым обеспечивал господствующие позиции над важнейшими региональными коммуникациями и торговыми путями, связывающими его (Иран) с Малой Азией и Юго-Восточной Европой, Черным и Средиземным морями, Закавказьем и Арабским миром. С военно-стратегической точки зрения горный Курдистан с древнейших времен «цементировал» западные границы Иранской империи, а многочисленные кочевые курдские племена играли немалую роль в организации военной мощи Ирана.

Для динамично развивающейся Османской империи Курдистан мог стать (и стал) важнейшим пространством (*плацдармом*) для контроля торговых путей и коммуникаций в Иран, Закавказье и Арабский мир, а также завоевания прилегающих территорий. *Геостратегическое противоборство*, «борьба за господство на торговых путях Ближнего Востока и Закавказья становится одной из причин ирано-турецкого соперничества в XVI-XVIII вв.»<sup>2</sup>. Борьба Турции и Ирана стала геополитическим содержанием истории Курдистана XVI-XVIII вв. Турция и Иран начали сжимать Курдистан в *геоисторические тиски*, «съедая» как его пространство (географию), так и время (историю).

В 1507-1508 гг. амбициозный Исмаил-шах, основатель династии Сефевидов, предпринял успешный военный поход в Восточную Анатолию, в результате которого иранские войска разгромили династию Ак-Коюнлу, захватили Харпут и Диярбакыр и оккупировали Курдистан<sup>3</sup>.

Кульминацией начавшихся при султানে Селиме I (в 1512 г.) военных действий между османами и Ираном стала битва при Чалдыранской равнине (в восточной части Северного Курдистана) 23 августа 1514 г., закончившаяся победой турок.

Симпатии курдских племен во время Чалдыранской битвы разделились. Курды под командованием наместника Диярбакыра Устаджлу Мохаммед-хана поддержали Иран<sup>4</sup>, а некоторые курдские вожди еще до этого сражения перешли на сторону османов. «Первым из крупных курдских

беев принял османское подданство Пир Хусейн, сын бывшего эмира Чемишгезека Хаджи Рустам-бея, казненного султаном Селимом за добровольное повиновение шаху Исмаилу. Пир Хусейну в управление была передана их наследственная область»<sup>5</sup>. Таким образом, формировалась двойственная геополитическая ориентация Курдистана, предотвратившая последующее возникновение внутрикурдистанской геополитической оси.

Карательные операции Исмаила и его шиитский экстремизм при гибкой «курдской политике» султана способствовали нарастанию антисефевидских настроений среди курдов. Так формировалась проосманская ориентация основной массы курдских правителей.

К этому времени относится и зарождение *курдского фактора* в раздробленном Курдистане в лице курдских бейликов и динамичных трансрайонных курдских племен, представлявших собой специфические мобильные этно-территориальные, социально-политические, военные и хозяйственные единицы (своего рода носителей *кочевой государственности*), не сумевших противостоять имперскому натиску Турции и Ирана. Они стали подчиненными субъектами (а впоследствии и вовсе объектами) турецко-иранских военно-политических отношений. Турция и Иран начинают активно использовать и манипулировать курдами в двусторонних отношениях.

Победа турков при Чалдыране позволила султану Селиму I присоединить к Османской империи горный регион от Эрзурума до Диярбакыра<sup>6</sup> и раз и навсегда поставила преграду на пути распространения иранского влияния на запад. Как пишет курдский историк Мохаммед Амин Заки: «С того времени власть этого (иранского. – Н.М.) государства никогда не переходила Загросские горы»<sup>7</sup>.

В 1515 г. шах Исмаил был вынужден пойти на заключение мира с султаном Селимом I, по которому к Турции перешли обширные территории, включающие часть Армении, Диярбакыр с большей частью Курдистана<sup>8</sup>.

Османская империя, присоединив «к своим владениям Юго-Восточную Анатолию и Курдистан», окончательно разбила надежды шаха на расширение границ сефевидского государства «в сторону Малой Азии»<sup>9</sup>. Таким образом, Анатолии обеспечивалась безопасность с востока, и «пути в Азербайджан, на Кавказ и в Багдад были открыты для османов»<sup>10</sup>. Все это создало благоприятные возможности для начала широких османских завоеваний на Ближнем и Среднем Востоке, в особенности в Арабском мире и Закавказье.

\*\*\*

Для упорядочения отношений с правителями вновь присоединенных курдских территорий султан уполномочил известного исламского ученого, курда по происхождению, Хакима Идриса Бидлиси. В результате усилий османского правительственного эмиссара 25 ведущих курдских вождей признали сюзеренитет султана.

Для включения в административную систему Османской империи вновь присоединенные территории были разделены на 24 области. Пять

из них были совершенно автономны и управлялись курдскими вождями, восемь – имели несколько ограниченную автономию, а в 11 областях была введена османская администрация. Такая «дальновидная политика»<sup>11</sup> обеспечивала султану поддержку курдских племен.

«Хаким Идрис... создал для султана *санитарный кордон* из автономных курдских эмиратов, которые при надобности обеспечивали защиту османских рубежей на всем протяжении от Грузии до Южного Загроса. Великие курдские эмиры чеканили свои монеты и их имена упоминали в молитвах, что являлось главными атрибутами суверенитета в исламе»<sup>12</sup>.

Автономные курдские эмираты сформировали «индивидуальные «субсистемы» в общей системе Османской империи»<sup>13</sup>. Курдистан был превращен в «зону-границу». И с этого времени Курдистан стал «вечной проблемой Османской и Иранской империй...»<sup>14</sup> Так начинался первый *фактический раздел Курдистана*.

Несколько забегая вперед, необходимо отметить, что с этого периода начинается *процесс геополитического структурирования несформированного разрозненного курдского этнопространства*. Так, если восточные (персидские) курды ориентируются главным образом на иранский геополитический комплекс<sup>15</sup>, а западные, «новые османские курды» – входят в османский, при всех возможностях и попытках лавирования этих частей курдского этноса и абстрагируясь от трансграничного характера некоторых пограничных курдских племен, то Южный Курдистан, в силу своего центрально-пограничного положения являющийся главным геополитическим плацдармом для контроля над обширными курдскими трансграничными просторами, а также Арабским Ираком или Нижней Месопотамией (или, как пишет Е.И.Васильева, «горы которого нависали над долинами Нижней Месопотамии»<sup>16</sup>), при значительно меньшей подверженности турецкому воздействию по сравнению с другими курдскими районами и большей удаленностью от центра империи (территория Южного Курдистана исторически и экономически более тесно связана с Багдадским регионом), а также при функционировании Западного Курдистана как своего рода буфера между ядром Османской империи и южнокурдистанской периферией и гомогенным по сравнению с Северо-Западным Курдистаном курдским населением (точнее – отсутствие «армянского фактора»), изначально *историко-геополитически ориентирован* (специализирован) на игру на турецко-иранских противоречиях.

\* \* \*

Первый этап ирано-османского противостояния, включающий несколько войн между Турцией и Ираном, завершился с окончанием войны 1553-1555 гг. и заключением мира в Амасье 29 мая 1555 г. Амасийский договор – первое письменное соглашение между этими странами – признал фактическое положение на момент подписания мира. По этому договору стороны разделили Армению, Грузию и Курдистан. К Турции отходили Западная Армения, Западный и Южный Курдистан, Арабский Ирак, Западная Грузия, а

иранскими владениями признавались Восточный Курдистан, Восточная Армения, Карабах, Азербайджан, Ширван и Восточная Грузия.

Таким образом, Амасийский договор, ознаменовавший *геополитический компромисс* между двумя державами за господство в регионе, положил начало процессу *легитимации* своего суверенитета над фактически разделенным Курдистаном.

В результате этого под влиянием более высокого уровня региональных международных отношений – османо-иранских противоречий – происходит функционализация курдских трибал-пространств, составляющих курдский этнорегион. Фактически разделенный, но еще «неосвоенный», с точно неопределенными межгосударственными (межимперскими), но в то же время внутрикурдистанскими рубежами, Курдистан превратился в *геополитический буфер, пространство-прокладку* между Турцией и Ираном. Однако если для Ирана находящийся в его сфере Курдистан (Персидский Курдистан) после неудачной попытки продвинуться на запад, в Малую Азию, был лишь этноплеменной стеной на западных рубежах, то Турция в зависимости от геополитической ситуации и конкретных геополитических целей начинает рассматривать присоединенный Курдистан и курдские племена одновременно и как *буфер*, смягчающий столкновения с Ираном, и как *резервное пространство*, и как *плацдарм* для новых завоеваний, а также в качестве необходимого *повода* для нагнетания напряженности в регионе. С этой целью сразу же после первых столкновений с Ираном султан Селим I с помощью Идриса Бидлиси заселил воинственными «курдскими племенами всю турецко-иранскую границу от берегов реки Аракс до крайнего юга Месопотамии»<sup>17</sup>. Это наряду с начавшимися еще в раннее средневековье многочисленными миграциями кочующих курдских племен на север и запад в поисках плодородных пастбищ и тюрко-монгольским и арабским давлением на курдскую этносистему с востока и с юга привело к *расширению курдистанской этногеографии и курдского этнического пространства* в анатолийском направлении. Этот этнодемографический процесс курдской истории имел в своей основе этнотерриториальное стремление обладающих большой жизненной энергией кочевых курдских племен и необходимость расширения их жизненного этнопространства. Это был своеобразный курдский «Drang nach Westen und Norden».

\*\*\*

Непрекращающиеся после 1555 г. турецко-иранские войны и заключенные по итогам этих войн соглашения (в 1590, 1612, 1639, 1727, 1746, 1823 гг.) отражали колебания и изменения в соотношении (балансе) сил воюющих сторон<sup>18</sup>, не затрагивая самих основ взаимоотношений между Турцией и Ираном. Например, последующий за Амасийским договор 1590 г. (по результатам войн 1578-1588 гг.) определил уступку Ираном всей Армении, Грузии, большей части Азербайджана, Курдистана и Лурестана.

Итоги турецко-иранского соперничества XVI-XVII вв. подвел заключенный в мае 1639 г. Зохабский договор, положивший начало самому про-

должительному миру на Ближнем Востоке. Турция, несмотря на все попытки, начиная с 1578 г., пересмотреть условия Амасийского договора, «была вынуждена согласиться на *компромиссное* (курсив мой. — Н.М.) решение спорных вариантов. То, что в 1555 г. ей казалось временным вариантом, в 1639 г. (с некоторой поправкой) стало окончательной формулой соглашения с Ираном»<sup>19</sup>.

Для укрепления двустороннего господства над регионом стороны были вынуждены прибегнуть к компромиссной геополитике, наглядным проявлением которой и стал *договор 1639 г., узаконивший* раздел Курдистана, Армении и Грузии.

Таким образом, сформировалась относительно *устойчивая биполярная система регионального равновесия*, при которой и Турция, и Иран, примирившись с существованием друг друга и отказавшись от системоразрушающих столкновений, стали «*партнерами*» и «*союзниками*»<sup>20</sup> в борьбе за господство в Западной Азии, раздел и покорение народов региона, при этом жестко соперничая между собой.

Раздел Курдистана и, как следствие, возникновение курдского фактора, выразившееся в использовании Турцией и Ираном курдских локалитетов и непокоренных кочевых курдских племен (а «покорить горное кочевье и мобильное племя практически было невозможно»<sup>21</sup>) друг против друга, наряду с коммуникационной неразвитостью<sup>22</sup>, географической разбросанностью племен<sup>23</sup>, фрагментарностью курдского геопространства, обусловленной труднопроходимым горным рельефом и существованием многих курдских природно-географических локалитетов-бастионов, «зажатостью» курдского региона между крупными государствами и отсутствием выходов к морю и мощного консолидирующего ядра-heartland'a, сформировали своеобразный баланс сил в Курдистане, не позволявший определенным курдским регионам осуществить централизаторскую функцию. *Геополитическая и военно-стратегическая обусловленность невозможности завоевать и/или контролировать весь Курдистан или объединить его под властью какого-либо курдского региона предопределили его дробление на множество мелких плацдармов, используемых субъектами региональных отношений.* Следует добавить также, что *межкурдские, межплеменные и курдские межрегиональные связи оказались в результате раздела Курдистана в сфере турецко-иранских отношений.* Эти факторы предотвратили возникновение потенциальных объединительных тенденций в курдском обществе и консервировали *хроническую раздробленность курдского этнопространства.*

Таким образом, оказавшись в имперских геополитических комплексах, хотя и сохранив полунезависимое существование (а порой власть Турции и Ирана была сугубо номинальной), курдские политические единицы в лице трибал-пространственных княжеств, втянутые в сферу турецко-иранских противоречий, не были в состоянии проводить политику нейтралитета в отношении указанных государств. Их политические действия оказались жестко *системно регламентированы*, при кажущейся возможной

автономности и потенци возможности игры на противоречиях. Переход на сторону одного из соперничающих государств был для курдских политических единиц несколько *вынужденным выбором*. Политика лавирования курдов была чисто *конъюнктурным фактором*, который оказывался подчиненным во время заключения ирано-турецких мирных договоров.

Курдистан и курдский фактор в лице рыхлых курдских трибал-политических единиц, встроенные в османский и иранский геополитические комплексы и османо-иранские отношения, выступали в качестве *объектов* этих отношений, будучи вынужденными приспосабливаться к формирующемуся балансу сил. И лишь в формировании *«баланса слабостей»* курды имели возможность *временно* выступать в качестве субъектов.

Курдистану была навязана *лимитрофная геополитическая функция*.

Немалую роль в этом процессе сыграла также в большинстве своем кочевая жизнь некоторых курдских племен (курдское этнопространство вдоль ирано-турецкой границы представляло собой своего рода мозаику кочевой полигосударственности, *текучей государственности*), «таскавших» за собой племенные геопространства (определенные циклические перемещения) или перемещающихся «без пространства» (вынужденные перемещения), а также «сезонно (геоэкономически) осваивавших пространство». Время (постоянство), пространство и население как базовые геополитические категории в Курдистане качественно не взаимодействовали (точнее – кочевые курдские племена не были в состоянии обеспечить качественное взаимопроникновение этих категорий). В таких условиях отсутствовали предпосылки для возникновения полноценной курдской государственности и этнонациональной и государственной (неплеменной) курдской бюрократии, которая смогла бы выполнять централизующую функцию и играть идееобразующую *роль*. Пассионарные курды пополняли военно-бюрократические структуры других государств. Таким образом, курдский регион, являющийся суммой курдских трибал-пространств, находясь постоянно в темпоральной и территориальной динамике, остался в аморфном состоянии.

Необходимо отметить также *геостратегические* и *геоэкономические причины* невозникновения потенциальных консолидирующих тенденций на курдском этнопространстве. Многочисленные войны и превращение Курдистана в полигон противостояния двух империй наряду с некоторыми другими причинами (например, диверсификация важнейших торговых путей, возникновение новых геоэкономических центров, отсутствие хороших дорог в Курдистане, отсутствие у курдов выходов к морю, небезопасность в труднопроходимых горах Курдистана и др.) стали причиной обхода торговых путей, ранее проходивших через курдские горы. Это, по мнению американского ученого курдского происхождения М.Изади, обусловило «экономическую изоляцию» Курдистана и стало одной из главных причин упадка курдского общества<sup>24</sup>. Неорганизованное курдское этнопространство, будучи отнесенным от важнейших транспортных путей, попало в коммуникационную изоляцию и было превращено в инфраструктурный тупик. *Курдистан поте-*

рля свою геостратегическую и геоэкономическую ценность и стал военно-стратегическим объектом, плацдармом как для контроля над коммуникациями через прилегающие регионы, так и для распространения османского геополитического влияния.

В результате описанных процессов и под влиянием определяющего судьбы Курдистана фактора – конфронтационной *стабильности* (между Турцией и Ираном) Курдистан оказался «зажатым» в геополитические тиски. Возникновение внутрикурдистанских геополитических осей было исключено. Курдистан был превращен в «гарнизонный регион». *Курдское этнопространство застыло в статике.*

\*\*\*

Договор 1746 г. о разделе Армении и Курдистана (а также Грузии) еще раз подтвердил равноправное господство Турции и Ирана над регионом, а Эрзурумский мирный договор 1823 г., за исключением Зохабского района, восстановивший границы 1639 г., завершил эпоху исключительно турецко-иранского влияния в Курдистане и функционирования курдского вопроса как «внутреннего» османско-иранского вопроса.

Чтобы постоянные пограничные стычки и конфликты, имевшие причиной недемаркированность и неохраняемость турецко-иранской границы, а также свободный переход границы курдскими племенами при столкновениях с властями и во время набегов, провоцировавшие вторжения обеих сторон на территории «друг друга», не переросли в назревавший крупный военный конфликт, Россия, к тому времени устами императора Александра I заявившая о необходимости содействовать всеми силами «сохранению государства (Оттоманской Порты. – *Н.М.*), слабости и плохое управление которым является ценной гарантией безопасности»<sup>25</sup>, и Англия, не желавшие изменения статус-кво, в 1842 г. предложили соперничающим сторонам созвать конференцию для урегулирования пограничных споров. По результатам работы конференции в 1847 г. был подписан Эрзурумский трактат, разделивший спорный Зохабский район и определивший отказ Ирана от притязаний на Сулейманийскую область. Трактат, еще раз узаконивший раздел Курдистана, предусматривал также совместный контроль над пограничными курдскими племенами и сотрудничество в обеспечении безопасности на границе. По инициативе Англии и России была создана четырехсторонняя комиссия для определения и демаркации границы, ставшая инструментом влияния этих держав в регионе.

Сохранение нестабильности в пограничном Курдистане, связанное с невозможностью окончательно «освоить» курдские территории, а также с тем, что даже при покорении Курдистана *невозможно* было искоренить *курдский фактор* в лице гальванизированных экстерриториальных курдских племен, провоцировало «новые» ближневосточные державы – Англию и Россию вмешиваться в курдский вопрос. Системный кризис, переживаемый Османской империей и Ираном с конца XVIII в., обусловил дальнейшее покорение курдских земель.

Внутренние кризисы Османской империи (освободительная борьба балканских народов, сепаратизм египетского паши Мохаммеда Али) и ухудшающееся международное положение Турции в результате поддержки Англией и Францией греков и поражения в войне с Россией (1828-1829 гг.), и, как следствие этого, усиление курдских эмиратов, особенно эмирата Соран с центром в Равандузе, угрожавшее распространением курдского сепаратизма на весь Курдистан и потерей всего Арабского Востока, подвигли Турцию «покончить раз и навсегда с курдским сепаратизмом»<sup>26</sup>. К этому времени, «за исключением нескольких больших городов с их окрестностями, а также обширных иных и горных пространств по побережью Черного моря, негодящихся для пастьбы, вся страна от Ангоры до границ Персии и Аравии находилась в исключительном владении курдов»<sup>27</sup>. В таких условиях с 30-х годов (XIX в. — Н.М.) началось «вторичное завоевание» Курдистана турками<sup>28</sup>.

В 1834 г. османские войска под руководством Рашид-паши прошли через Курдистан и лишь эмират Хакяри остался под началом курдских правителей. В 1836 г. был завоеван Соран, в 1837 г. подавлены восстания бохтанских курдов и езидов Синджара. И лишь благодаря сложностям с Мохаммедом Али Курдистан на некоторое время «был оставлен в покое». В результате окончившегося таким образом первого этапа «вторичного завоевания» Курдистана, в усмиренные области Южного, Северного и Западного Курдистана была назначена турецкая администрация<sup>29</sup>.

Необходимо отметить, что если до завоевания Сорана сотрудничество на антикурдской почве носило лишь межгосударственный (турецко-иранский) характер, то подавление Мир Мохаммеда было отмечено международной солидарностью. Россия помогла Ирану, выступившему против соранского эмира<sup>30</sup>, а Англия стремилась «координировать действия Турции и Ирана против курдов»<sup>31</sup>.

Со времени присоединения курдских территорий к Османской империи можно отметить следующую важную закономерность: наибольшей автономией курдские эмираты и их вожди пользовались во времена наивысшего могущества Османской империи и, напротив, международные или внутренние кризисы Турции, относительно (и провокативно) усиливая временную независимость курдов, «двигают» Турцию в направлении «окончательного покорения» «своего» Курдистана. Так, например, после поражения под Веной в 1683 г. османы направили свои взоры на восточные границы империи, начав вмешиваться во внутренние дела курдских Эмиратов и ограничивать их автономию, а глубокий кризис 30-х годов XIX в. стал причиной «вторичного завоевания» Курдистана. Эта закономерность — константа положения Курдистана в Турции во все времена их «совместной» истории и она проявляется на всем протяжении этой истории, вплоть до наших дней.

В 60-х годах XIX в. окончательно было завершено «вторичное завоевание» Курдистана и упразднены остатки курдского самоуправления. Курдистан был включен в османскую административную систему. В это же

время (в 1867-1868 гг.) в Иране был упразднен курдский Эмират Арделан<sup>32</sup>. Так завершился начавшийся в 1514 г. период локальной государственности курдских эмиратов в рамках Османской империи и Ирана.

\* \* \*

Начиная с XIX в. курдский вопрос попадает в сферу продвигающихся на Ближний Восток европейских держав. Первой из «внешних» держав обратила свое внимание на курдов Россия. Включив Грузию в состав империи и продвигаясь к Эривани, Россия столкнулась «с курдами как силой, которую можно было использовать при проникновении на восток»<sup>33</sup>. Однако главной целью российской «курдской политики» стала нейтрализация непредсказуемых курдских племен.

Впервые значение курдского фактора было осознано русскими генералами во время русско-персидской войны 1826-1827 гг. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Россия уже «всячески стремилась привлечь на свою сторону курдов», хотя и «не столько в качестве боевой силы, сколько в целях обесилений турок и охраны своих операционных коммуникаций»<sup>34</sup>.

Курдский вопрос стал составной частью российско-турецко-иранского треугольника противоречий, а Курдистан находился на стыке этих трех империй. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. воочию показала важное значение курдского фактора и необходимость его использования Россией для обеспечения своей политики на закавказском и ближневосточном направлениях. Предварительные сношения с курдами в предвидении войны принесли России «во время кампании несомненную и значительную пользу»<sup>35</sup>. В результате усилий России курды «равнодушно взирали на поражения турецкой армии»<sup>36</sup>.

Так, граф И.Ф.Паскевич просил 100 тыс. червонцев для организации 10-тысячного конного отряда курдов. Во Всеподданнейшем рапорте от 11 января 1829 г. он писал: «... Для обеспечения успеха предложенных на будущую кампанию действий нужно иметь на нашей стороне куртинцев (курдов. — *Н.М.*), иначе во все время многочисленные толпы сей отважной конницы будут у нас в тылу и на фланге и совершенно опустошать земли театра войны, на средства которых мы преимущественно должны рассчитывать»<sup>37</sup>.

В Петербурге одобряли продолжаемые сношения Тифлиса<sup>38</sup> с курдскими вождями и предполагаемое учреждение 10-тысячного отряда конных куртинцев<sup>39</sup>. «Выключение» из войны курдов и их нейтрализация путем подкупа и пропаганды курдских вождей стали одним из важнейших факторов достижения Россией перевеса на театрах военных действий.

Стратегическая ценность курдистанского плацдарма начала сознаваться русскими генералами во время войны 1828-1829 гг., после которой граф И.Ф.Паскевич, обсуждая те требования, которые следовало бы предъявлять Турции, особенно настаивал на присоединении к России Баязета с его санджаком, так как приобретение Баязета, по его мнению, утвердило бы влияние России «над Верхним Курдистаном и в случае войны» могло «доставить многочисленную вспомогательную конницу, почи-

таемую лучшею в Азии, которую в иных обстоятельствах, неприятель более искусный» мог бы использовать против России<sup>40</sup>.

Нереальность завоевания крупных курдских регионов<sup>41</sup> и, как следствие, нежелание раздела «курдского бремени» с Турцией и геополитического приобретения «собственного «курдского фактора», а также внутреннее хаотичное состояние Курдистана обусловили незаинтересованность России в присоединении курдских территорий. Немаловажным фактором было также достижение Россией к этому времени естественных геополитических рубежей на юго-западном, кавказско-ближневосточном направлении и нежелание дальнейшего продвижения. Весьма показательна в этом отношении позиция начальника штаба Эриванского отряда, т.е. человека, непосредственно осуществляющего «курдскую политику» России, полковника Лихутина, характеризующая основные константы российской стратегии по отношению к курдам в той или иной степени во все периоды: «Полезно иметь небольшое число их (курдов. – *Н.М.*) в России, то, которое находится теперь, для удобнейшего влияния через них на турецких курдов, когда будет надобно; но переселение их в обширных размерах бесполезно и неприменимо. ... При раздроблении их в трех государствах и возможности уходить из одного в другое, в наших пределах они будут вредны нам беспорядками, и очень трудно будет иметь твердое влияние и власть над ними. Не приобретя над ними прочного господства, мы только немного выучим их и сделаем опаснее. В настоящем положении дел, пусть они лучше остаются в Турции, как один из элементов ее слабости и разрушения; они пока нам годны только для этого. Если бы могли переселить их к себе всех, то излечили бы Турцию от одной из ее язв. В самой Турции мы не можем рассчитывать на преданность их к нам; они будут делать то, что им выгоднее: брать подарки и с нас, и с турок, грабить и тех, и других, когда представится возможность, пособлять и тем, и другим, тому кто будет для них опаснее. Нас они боятся более, потому что мы очевидно сильнее; даже любят более, потому что с турками у них встречаются одни неудовольствия и ссоры, а мы пока только привлекали их... По всему этому, при успехе нашем, мы найдем в них союзников против турок, и для турецкого правительства они будут очень опасны, как внутренние враги, поддерживающие неприятельскую армию продовольствием оружием. Но для всего этого они нам *полезны, когда остаются в пределах Турции* (курсив мой. – *Н.М.*)»<sup>42</sup>. Понимание курдскими вождями временности и условности поддержки их Турцией и/или Россией толкало их на «двойную игру»<sup>43</sup>. Осознавая неопределяющую и подчиненную роль курдов в русско-турецком противоборстве и, следовательно, конъюнктурное (объективно) отношение к ним этих держав, они ориентировались на сиюминутные выгоды, лавируя, «то вступали в переговоры с командованием русских войск, то выступали на стороне Турции, если обстановка благоприятствовала ее успеху»<sup>44</sup>, как правило, «добывая проигравшего».

Поэтому во время Крымской войны (1853-1856 гг.) Россия сформировала лишь два малочисленных отряда под руководством Джафар-аги и, по

словам П.И.Аверьянова, «совершенно» не воспользовалась восстанием Езданшира, отвлекавшего значительную часть турецких войск «с театра военных действий для усмирения в Большом Курдистане»<sup>45</sup>. Для России курдские восстания оставались лишь благоприятными моментами.

Несмотря на то что сразу же после присоединения Закавказья к России началось ее экономическое проникновение в Курдистан, через который «проходили основные торговые пути из Закавказья на Ближний Восток»<sup>46</sup>, экономический интерес к Курдистану так и не стал определяющим. «На первом плане... стояли политические и военно-стратегические мотивы»<sup>47</sup>. Для России курдский вопрос стал тактическим элементом в войнах с Турцией, он был втиснут в прокрустово ложе русско-турецкого соперничества.

Между тем эпоху динамичного использования курдского геопространства открыла Англия.

Интерес Англии к Курдистану возник в начале XIX в. и определялся, главным образом, геостратегическими обстоятельствами. Курдистан как обширный сухопутный массив Передней Азии начал фигурировать в проектах сокращения пути в индийские колониальные владения Англии. Месопотамия становилась для Англии западной границей Индии. А «в 20-х – начале 30-х годов XIX в. был проложен новый путь из Западной Европы в страны Востока. Если раньше товары доставлялись в Иран через Персидский залив или из Стамбула по суше через всю Турцию, то теперь их стали проводить морем до Трапезунда, а затем через Эрзурум и Курдистан. Сроки и стоимость доставки товаров были намного сокращены»<sup>48</sup>.

Так называемый курдистано-месопотамский путь соединял Багдад через Битлис и Муш с Эрзурумом. Это был кратчайший караванный путь между Персидским заливом и Арменией<sup>49</sup>.

В конце 20-х годов, сразу же после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. британский офицер Ф.Чесни по поручению своего правительства исследовал район бассейна р. Евфрат и изучал возможности проложения торговых путей в Индию через Малую Азию и Месопотамию. В результате исследования Ф.Чесни «добился создания особого комитета для рассмотрения выработанного им проекта "Евфратского пути", по которому доставка товаров сокращалась с 45-60 до 18-20 дней»<sup>50</sup>. Осознавая большое геополитическое будущее региона и возможность прохождения через него речного маршрута, англичане изучали «не только особенности водного режима этих рек и местные условия судоходства, но и всю совокупность политико-экономической обстановки в Курдистане, Сирии и других областях Османской империи»<sup>51</sup>.

Этот путь позволил бы также сократить сроки переброски британских войск в сторону Индии<sup>52</sup>.

Создание месопотамского речного пути сокращало обходной путь через Африку и миновало бы Предкавказье, являющееся военным полигоном российско-турецкого противостояния, а таким образом, сферы влияния России для ведения торговли с восточными регионами Среднего Востока.

Этот проект не был осуществлен из-за вовлечения Англии в войны в 30-50-х годах XIX в. в Иране, Афганистане, Китае (куда и был направлен Ф.Чесни). Открытие же Суэцкого канала в 1869 г. означало окончательную бесперспективность этого проекта.

Однако хотя до прокладки Багдадской железной дороги Передняя Азия оказалась выключенной из трансрегиональных маршрутов, геостратегический интерес к Курдистану уже был сформирован.

## 2. Международный раздел Курдистана

На рубеже XIX-XX вв. «геополитика пространств, доминировавшая в прошлом, сменилась на геополитику потоков»<sup>53</sup>, и Ближний Восток благодаря исключительному значению своих пространственных и энергетических ресурсов стал ареной жесткого геоэкономического и геостратегического противоборства великих держав.

Так как геополитика потоков в отличие от геополитики пространств, имеющей в основе военно-политический контроль, изначально была ориентирована на всестороннее господство над пространством, предполагающее как военно-стратегический, так и экономический и коммуникационный контроль, регион был подвергнут всепроникающему штурму.

Курдистан, занимающий стратегически узловое положение на Ближнем Востоке, был превращен из абсолютного этнопространства, т.е. «пустого вместилища материальных объектов»<sup>54</sup>, содержащего энергетическое и сельскохозяйственное сырье, в объект пространственной эксплуатации. *Пространственные ресурсы Курдистана обрели стратегический характер, а вопрос Курдистана был подчинен «содержимому» этого пространства и его динамическому использованию. Геополитическая эволюция Курдистана отныне определялась геоэкономическим и коммуникационным измерением региона.*

Судьбы Курдистана стали определяться борьбой между великими державами за эксплуатацию его пространственных ресурсов. Курдистан оказался в эпицентре геостратегического соперничества.

Эти глубинные факторы наряду с надвигающимся крахом Османской империи стали причиной раздела «османского» (турецкого) Курдистана.

\*\*\*

Квинтэссенцией геостратегического соперничества великих держав в регионе, в том числе в курдской его части, выступал проект Багдадской железной дороги. Проект выходил далеко за пределы чисто транспортного предприятия и имел «целью контроль над нефтяными месторождениями долины Тигра и Евфрата, прилегающими к железнодорожному полотну. Мосульская нефть в значительной мере предопределяла коммерческую рентабельность Багдадской железной дороги, эксплуатация которой зиждилась на перспективе развития нефтяных месторождений Месопотамии»<sup>55</sup>.

Контроль над Месопотамией стал одним из определяющих факторов мировой политики. «Попытка Германии обойти Персию с фланга и про-

рваться к Персидскому заливу и Индийскому океану через Месопотамию путем постройки Багдадской железной дороги была одной из основных причин, приведших к мировой войне»<sup>56</sup>.

Если Франция и Россия<sup>57</sup> стремились лишь как можно дальше отодвинуть проектируемую железную дорогу соответственно от Средиземноморья и Предкавказья, то для Англии прохождение пути до Персидского залива угрожало ее индийским колониям, прорывая осевую линию «от Египта через Аравийский полуостров и Персию до Индии», с опорным пунктом в горных перевалах Мосула<sup>58</sup>. Багдадская железная дорога могла нанести ущерб также экономическим интересам Англии в течениях рек Тигра и Евфрата. Поэтому Англия особое внимание уделяла контролю линии Багдад-Ханекин<sup>59</sup>.

Таким образом, борьба за Багдадскую железную дорогу, а также включение «зажатых» между Турцией и Ираном территорий Курдистана в транспортную сеть региона предопределили его вовлечение в орбиту пристального геополитического внимания великих держав, в особенности Англии, Франции и Германии.

Определяющим фактором дальнейшей геополитической эволюции курдского этнопространства стала стратегическая *заинтересованность Англии в Месопотамии*. Основное значение Месопотамии для нее определялось как «территориально-политическое» (геополитическое), потому что этот район представлял «собой главное звено в проектируемом сухопутном сообщении между Египтом и Индией. Не будь здесь даже нефти, этот район имел бы для английской политики такое же значение; поскольку же здесь имеется нефть, постольку повышается его территориально-политическое значение, причем особое его значение как нефтяного района основывается опять-таки на территориально-политическом значении»<sup>60</sup>.

*Геоэкономическое и геостратегическое значение Мосула* было огромно. «Мосульский район расположен на старых торговых дорогах от Черного моря к Багдаду и из Персии к Средиземному морю, т.е. на пересечении чрезвычайно важных стратегических путей. Через Мосул проходит железная дорога, и скрещивается целый ряд персидских и анатолийских дорог. В Мосульском районе пересекаются две мощные горные системы (Малоазиатский Тавр и Загрос), образуя ряд долин, связывающих узким коридором Анатолию, Курдистан, Месопотамию и Персию. Это обстоятельство делает Мосул центром кратчайших караванных дорог и пешеходных троп, ведущих к указанной области. В силу своего географического положения Мосульский нефтяной район представляет для мировых нефтяных концернов огромный интерес. Крупные выгоды Мосульский район дает при выходе его продукции на средиземноморский рынок после проведения нефтепроводов к Средиземному морю ввиду необычайной дешевизны и удобства транспортирования. Даже снабжение нефтяных рынков, расположенных в районе Тихого океана и Дальнего Востока, представляет больше выгод и удобств, если оно будет происходить из Мосула, а не из США»<sup>61</sup>. Таким образом, Мосул имел *исключительное геоэкономическое значение*.

Территория Большого Южного Курдистана (в терминологии того времени – «Мосульского вилайета») – исторически естественный плацдарм для господства над Месопотамией.

Творцы британской геостратегии понимали, что без Мосула «Месопотамия вообще бы потеряла свое территориально-политическое значение. Только располагая этой областью, Месопотамия является защищенной с севера горами. В то же время в Мосульском вилайете она находит наиболее явственное разрешение своему стремлению к выходу в Средиземное море; через тот же Мосул проходят самые удобные пути сообщения с Персией. Мосул представляет собой узловое сочленение в задуманном прямом соединении восточной части Средиземноморья с Индией. Отрыв его привел бы к тому, что в своей западной части этот путь вследствие нейтрализации Палестины лишился бы связи с Египтом». Однако Англия понимала, что геозкономический и геостратегический контроль должен иметь в основе военно-стратегическое и политическое господство<sup>62</sup>.

Англия рассматривала также *Южный Курдистан как плацдарм* «для дальнейшей экспансии в северном, западном и восточном направлениях...»<sup>63</sup> Однако в Мосуле, на который претендовала и Франция, англичанам еще предстояло утвердиться. Так *Мосульский вопрос* как определяющая часть разделенного курдского вопроса<sup>64</sup> и англо-французская проблема приобрел геостратегический и нефтяной характер. Мосульский вопрос предопределил международный (империалистический) раздел (передел) курдского этнопространства (точнее, «оттоманского» Курдистана).

С середины Первой мировой войны европейские державы начали торг о дележе «османского наследства» и проектировать раздел азиатских владений Османской империи<sup>65</sup>. С конца 1915 г. между Англией и Францией начались переговоры, весной 1916 г. к ним присоединилась Россия. Серия этих переговоров известна под названием соглашения Сайкс-Пико. Англия взамен на получение некоторых выгод на европейском театре военных действий согласилась «уступить» Франции Мосул, о будущем которого ничего не было известно<sup>66</sup>. Это был своего рода геополитический трюк. Англия стремилась также избежать непосредственного соприкосновения с Россией.

Россия не была заинтересована «в области, расположенной к югу от линии, идущей через Амадию, Ибн-Омар, Диярбакыр, Самсат, Мараш, Адану», и была готова принять «без всяких затруднений всякое соглашение, которое может состояться на этот счет между Францией и Англией»<sup>67</sup>. Россия исторически была заинтересована, главным образом, в контроле за Битлисскими проходами, Алашкертской равниной<sup>68</sup> и зоной Урмийского округа и была готова «предоставить французам вознаграждения... в районе треугольника Сивас-Харпут-Кейсария...»<sup>69</sup>.

В результате переговоров «граница русского Курдистана должна была... пройти, начиная от Муша, через Серт, следовать по течению Тигра, до Джебзире-ибн-Омара, затем на восток от линии горных вершин, отделяющих... оттоманскую территорию от персидской, с тем, однако, чтобы про-

ходы, пересекающие эти горы, могли быть заняты на восточном склоне русскими войсками...»<sup>70</sup> А в конечном счете императорское правительство было готово утвердить соглашения между Англией и Францией при условии аннексии Россией «региона Эрзурума, Трапезунда, Вана и Битлиса»<sup>71</sup> и области Курдистана, расположенной «к югу от Вана и Битлиса между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джебзире-Ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией, и областью Мергевера»<sup>72</sup>.

Однако главным с точки зрения дальнейших судеб Курдистана был вопрос Мосула.

Сразу же после капитуляции Турции в результате заключения Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) Англия оккупировала Мосул. «Лондон начал проводить политику свершившихся фактов»<sup>73</sup>.

Воспользовавшись затруднениями Франции в Сирии и Киликии, Англия по секретному соглашению, заключенному между Д.Ллойд Джорджем и Ж.Клемансо, закрепляет «де-юре» за собой Мосул.

\*\*\*

*Северский мирный договор* (20 августа 1920 г.), воспроизводивший некоторые положения Сайкс-Пико и являющийся первым международным документом, признающим права курдского народа<sup>74</sup>, а также предусматривавший возможное поэтапное создание курдского государства, в действительности ознаменовал международный раздел Турецкого Курдистана.

Отдел III под названием «Курдистан» состоял из трех статей. Ввиду важности этого документа представляется необходимым воспроизвести эти статьи.

«Ст. 62. Комиссия из трех членов по назначению Великобритании, Франции и Италии, находящаяся в Константинополе, приготовит в течение 6 месяцев положение о местной автономии для областей с преобладающим курдским элементом, расположенных к востоку от Ефрата (Евфрата. — *Н.М.*) и к югу от южной границы Армении. При отсутствии единогласия в среде комиссии решают сами соответствующие правительства. Одновременно должны быть выработаны полные гарантии для защиты ассиро-халдейских и других этнических и религиозных меньшинств внутри упомянутых выше областей. С этой целью особая комиссия, в которую кроме британского, французского и итальянского должны войти еще и персидский и курдский представители, осмотрят и, если понадобится, исправят турецко-персидскую границу.

Ст. 63. Турция обязуется признавать и выполнять решения обеих этих комиссий в 3-х месячный срок.

Ст. 64. Если через год курдское население указанных в ст. 62 областей обратится к Совету Лиги Наций и укажет, что большинство их жителей желает быть независимым от Турции, а Совет Лиги признает этих последних способными к независимости, то Турция обязана отказаться от своих прав на эти области. Если в состав нового курдского государства захотят войти и курды Мосульского вилайета, то главные союзники не будут возражать против этого»<sup>75</sup>.

Таким образом, речь в Договоре шла не о Курдистане, а об областях с преобладающим курдским элементом, расположенных к востоку от Евфрата и к югу от южной границы Армении. Границы, являющиеся главным элементом процесса государственного строительства и институционализации этно- и/или геопространства, для курдской автономии не были точно определены.

Не определялся также и правовой статус этой автономии<sup>76</sup>.

«Забота» об ассииро-халдейских и других этнических и религиозных меньшинствах означала не что иное, как возможность вмешательства во внутренние дела курдской автономии.

Не были определены процедура и гарантии создания курдской автономии. Возможное создание автономии «растягивалось» на девять месяцев, а создание курдского государства – на 21 месяц при условии «желания» большинства жителей автономии быть независимым от Турции (в то же время не был определен способ выражения этого желания), а Совет Лиги наций признает этих последних «способными» к независимости.

Потенциальная курдская автономия имела чисто функциональное значение с точки зрения интересов великих держав по отношению к Турции и раздела «османского наследства».

*Идея создания курдской автономии и/или курдского государства на части территории Турецкого Курдистана, воплощенная Англией в Севрском договоре, предопределила «окончательное» покорение Турцией «оставленного» в ее границах Курдистана для предотвращения возможно его использования великими державами.*

Границы Турции по Курдистану согласно пункту 2 ст. 27 определялись следующим образом: «с Сирией – от «юго-западной оконечности Александреттского залива около Караташа... по реке Дайхун – Ирмаке и оттуда прямая линия на восток несколько к северу от 37<sup>й</sup> широты до пункта к юго-востоку от Джебзире-ибн-Омара, который остается за Сирией; с Месопотамией – от Джебзире-ибн-Омара линия, идущая в общем направлении с севера на восток и проходящая по северной границе Моссульско-го вилайета, оставляя, однако, Амадию за Турцией; на востоке и северо-востоке – довоенная граница с Персией и бывшая граница с Россией...»<sup>77</sup>, т.е. от Турции отторгали Южный и Юго-Западный Курдистан.

Франция по дополнительному соглашению с Англией, заключенному в день подписания Севрского договора, получала сферы влияния в южной части Западного Курдистана.

Курдистан оказывался разделенным на пять частей<sup>78</sup>: между Францией на западе, Сирией и Месопотамией – на юге, Персией – на востоке, Арменией – на севере. Таким образом, геополитически курдская автономия была «сдавлена» и крайне уязвима, а геоэкономически, из-за отсекания от нее плодородных земель на севере и западе Северного Курдистана, – несамодостаточна. В геостратегическом отношении «севрский» раздел Курдистана отрезал «турецких курдов от южных портов Сирии, через которые ранее осуществлялась значительная часть импортных и экспортных опера-

ций...»<sup>79</sup>. Отрезались экономические выходы Северо-Западного Курдистана к Алеппо и Александретте, а восточного – к Мосулу и Багдаду<sup>80</sup>.

Традиционные кочевые маршруты курдских племен также оказались разрушенными<sup>81</sup>.

Северский мирный договор, оказавшийся уникальным документом «по своей практической негодности и, стало быть, недолговечности»<sup>82</sup>, в том числе в части создания курдского автономного образования в составе Турции и возможного создания на его основе курдского государства и присоединения к нему Южного Курдистана, с точки зрения международного раздела Турецкого Курдистана был осуществлен на практике полностью.

Таким образом, именно в Севере произошел международный раздел (передел) Курдистана.

По Анкарскому соглашению (договор Франклен-Буйона) между Францией и Турцией от 20 октября 1921 г. южная часть Турецкого Курдистана была включена в состав подмандатной Франции Сирии, которой, тем самым, обеспечивались «надежные границы»<sup>83</sup>.

После Лозаннского мирного договора 1923 г. северо-восточной границей Курдистана стала граница Турции с Советским Союзом.

Лозаннский мирный договор, предавший забвению идею автономного Курдистана<sup>84</sup>, юридически закрепил «фактический раздел курдских земель между Турцией, Ираком и Сирией»<sup>85</sup>. Будущее Южного Курдистана должно было быть определено Советом Лиги Наций, если Турция и Великобритания не смогли бы «полюбовно» договориться в 9-месячный срок<sup>86</sup>.

5 июня 1926 г. договор между Англией, Ираком и Турцией «урегулировал» Мосульскую проблему. Южный Курдистан был включен в состав подмандатного Англии Ирака.

В результате турецко-иранских договоров 20-30-х гг. XX в. была изменена турецко-иранская граница в районе Агри (Арарата) «с целью предотвращения разбоя» и облегчения мер безопасности<sup>87</sup>. Турция получила выход на Азербайджан (Нахичевань).

Таким образом, после Лозаннского договора, который фактически колониально структурировал курдское геопространство, геополитическая эволюция отражает процесс включения отдельных частей Курдистана через подчинение и покорение в геополитические структуры Турции, Ирака, Ирана и Сирии, использование внешними силами заявившего о себе во весь голос курдского фактора, предоставляющего курдскому национально-освободительному движению в этих странах гипотетическую возможность создания курдского государственного образования.

<sup>1</sup> *Turner, Arthur C. Kurdish nationalism. – Ideology and power in the Middle East. Studies in honor of George Lenczowski. Ed. by Peter J. Chelkowski and Robert. J. Pranger. – L., 1982. – С. 385.*

<sup>2</sup> *Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI-XVIII веках (в свете ирано-турецких мирных договоров). Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Тб., 1972. – С. 10.*

<sup>3</sup> Parry V.J., Inalcik H., Kurat A.N. and Bromley J.S. A History of the Ottoman Empire to 1730: chapters from the Cambridge history of Islam and the new Cambridge modern history. – Cambridge etc: 1976. – С. 65.

<sup>4</sup> Мустафаев Ш.М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. – М., 1994. – С. 39.

<sup>5</sup> Там же, с. 40.

<sup>6</sup> Inalcik, Halil. The Ottoman Empire: the classical age 1300-1600. – Translated by Norman and Colin Imber. – L., 1973. – С. 33.

<sup>7</sup> Цит. по: Васильева Е.И. Предисловие. Шараф-хан ибн Шамсуддин Бидлиси. Шараф наме. – М., 1967. – Т. I. – С. 50.

<sup>8</sup> Наджарян У.Х. Турецко-иранские отношения в XVI – первой половине XVII века и Армения. Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Ер., 1970. – С. 17.

<sup>9</sup> Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. – М., 1983. – С. 57.

<sup>10</sup> Inalcik, Halil. The Ottoman Empire, с. 33.

<sup>11</sup> Parry V.J., Inalcik H., Kurat A.N. and Bromley J.S. A History of the Ottoman Empire to 1730, с. 71.

<sup>12</sup> Kinnane D. Trie Kurds and Kurdistan. – L., 1964. – С. 22-23.

<sup>13</sup> Yegen, Mesut. The Turkish state discourse and the exclusion of Kurdish identity // Middle Eastern Studies. April 1996. – Vol. 32. – № 2. – С. 218.

<sup>14</sup> Lenczowski, George. The Middle East in world affairs. – L., 1980. – С. 59.

<sup>15</sup> Под геополитическим комплексом понимается такая имперская система пространственной организации крупных государств (империй), при которой провинции, обладая определенной автономией во внутренних делах, в глобальном (имперском) и цивилизационном смыслах подчинены общим геополитическим целям империй.

<sup>16</sup> История Курдистана. – М., 1999. – С. 37.

<sup>17</sup> Джалил, Джалиле. Восстание курдов 1880 года. – М., 1966. – С. 12.

<sup>18</sup> Таяри М.А. Ирано-турецкие военные конфликты и курды в первой четверти XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Тб., 1986. – С. 17.

<sup>19</sup> Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI-XVIII веках, с. 40.

<sup>20</sup> Там же, с. 19.

<sup>21</sup> История Курдистана, с. 49.

<sup>22</sup> Трудность сообщения была одной из причин того, что ни один ага не мог «приобрести исключительного влияния на других». (Джалил, Джалиле. Курды Османской империи в первой половине XIX века. – М., 1973. – С. 35.).

<sup>23</sup> Никитин В. Курды / Пер. с фр. – М.; 1964. – С. 283.

<sup>24</sup> См.: Bowring, Bill. The Kurds of Turkey; defending the rights of minority // Nationalism, minorities and rights in the Middle East. – L., 1996. – С. 25.

<sup>25</sup> Цит. по: История внешней политики России (Первая половина XIX века от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М., 1995. – С. 33-34.

<sup>26</sup> История Курдистана, с. 143.

<sup>27</sup> Троттер. Малоазийские курды. – Материалы для описания Азиатской Турции и Батумской области. – Тифлис, 1881. – С. 2.

- <sup>28</sup> *Джалил, Джалиле*. Курды Османской империи в первой половине XIX века, с. 80.
- <sup>29</sup> История Курдистана, с. 148.
- <sup>30</sup> *Джалил, Джалиле*. Курды Османской империи в первой половине XIX века, с. 113.
- <sup>31</sup> Там же, с. 110.
- <sup>32</sup> *Васильева Е.И.* Хроника Хусрава ибн Мухаммада «Тарих-и Бани Арделан» как источник по истории и этнографии курдов Арделана XVIII-XIX веков. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1977, с. 15.
- <sup>33</sup> *Курд Оглу*. Курды и империализм // Бюллетень прессы Среднего Востока. – Ташк., 1932. – № 13-14. – С. 94.
- <sup>34</sup> Там же, с. 95.
- <sup>35</sup> *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. – Тифлис, 1900. – С. 78.
- <sup>36</sup> Там же, с. 77.
- <sup>37</sup> Там же, прил. № 3.
- <sup>38</sup> Политика России на Ближнем и Среднем Востоке осуществлялась царским наместником на Кавказе из Тифлиса.
- <sup>39</sup> *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, прил. № 4.
- <sup>40</sup> Там же, с. 76.
- <sup>41</sup> *Джавари Г.У.* Курдистан как объект геополитического внимания России (историческая ретроспектива) // Дружба. – Февраль 1998. – № 3. – С. 39.
- <sup>42</sup> Цит. по: *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, с. 106.
- <sup>43</sup> *Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века). – М., 1963. – С. 40.
- <sup>44</sup> Там же, с. 83.
- <sup>45</sup> *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, с. 113.
- <sup>46</sup> *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891-1917). – М., 1972. – С. 51.
- <sup>47</sup> Там же, с. 83.
- <sup>48</sup> *Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века), с. 32.
- <sup>49</sup> *Аверьянов П.* Краткий военный обзор Азиатской Турции. – СПб., 1908. – С. 37
- <sup>50</sup> *Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века), с. 32.
- <sup>51</sup> Там же, с. 43.
- <sup>52</sup> *Pelletiere S.* The Kurds: An unstable element in the Gulf. – Boulder (Colo), 1984. – С. 40.
- <sup>53</sup> *Жан К., Савина П.* Геоэкономика. Господство экономического пространства. / Предисл. к русс. изд. – М., 1997. – С. 12.
- <sup>54</sup> *Могилевкин И.М.* Метастратегия; проблемы пространства и времени в политике России. – М., 1997. – С. 5.

<sup>55</sup> *Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil». – М.– Л., 1935. – С. 424.

<sup>56</sup> Там же, с. 364.

<sup>57</sup> Для России значение обширных территорий Курдистана и Армении в первую очередь определялось военно-стратегическими соображениями и потенцией блокирования прокладки невыгодных для нее коммуникаций. Курдистан рассматривался Россией как «прекрасный естественный укрепленный плацдарм для сосредоточения против Закавказья турецкой армии». (*Аверьянов П.* Краткий военный обзор Азиатской Турции, с. 14.).

<sup>58</sup> *Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil», с. 365-366.

<sup>59</sup> *Бондаревский Г.Л.* Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888-1903). – Таш., 1955. – С. 284.

<sup>60</sup> *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм / Пер. с нем. – Л., 1930/ – С. 71

<sup>61</sup> *Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil», с. 422-423.

<sup>62</sup> Там же, с. 81.

<sup>63</sup> *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917-1923). – М., 1989. – С. 35.

<sup>64</sup> «... Мосульская проблема является частью огромной, весьма серьезной курдской проблемы...» (*Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil», с. 422).

<sup>65</sup> Подробно см: *Лазарев М.С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. – М., 1960.

<sup>66</sup> *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 82.

«В стратегическом и политическом смыслах борьба за Мосул была фазой возобновленного векового соперничества между Россией и Великобританией и формировала один из основных вопросов этой борьбы за пути в Индию». (*Harry N. Howard.* The partition of Turkey: a diplomatic history 1913-1923. – N. Y., 1966. – С. 297).

Главным для Англии было «предотвратить русскую опасность» (*Бронштейн В.Б., Розенблюм В.Г.* Нефтяная эпопея «Oil», с. 426.).

<sup>67</sup> *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. – М., 1926. – С. 38.

<sup>68</sup> Россия рассматривала Алашкертскую равнину с точки зрения «чрезвычайно важного плацдарма как для наступающего из Закавказья, так и со стороны обороняющегося в пределах театра.» (*Грязнов Ф.* Военный обзор передового театра в Азиатской Турции. Ч. I. –Тифлис, 1895. – С. 530.).

<sup>69</sup> Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел. – М., – С. 161.

<sup>70</sup> Там же, с. 172.

<sup>71</sup> *The Great Powers and the Near East 1774-1923: documents of modern history.* – L., 1970. С. 164.

<sup>72</sup> *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2, с. 38-39.

<sup>73</sup> *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917-1923), с. 31.

<sup>74</sup> *Mihoyi S.X.* Sevr-Lozan u pirsā mafen carenusi ji bo Kurdan // Almanaxa Kurdi. – [Б.м.], 1997. – С. 16.

<sup>75</sup> *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Вып. II. Акты дипломатии иностранных государств. – М., 1929. – С. 33-34.

<sup>76</sup> Международно-правовые аспекты курдской проблемы // Ближний Восток и международное право. – М., 1992. – С. 27.

<sup>77</sup> Там же, с. 30.

<sup>78</sup> People without country: the Kurds and Kurdistan./ A.K. Ghassemlou, Kendal, M. Nazdar, A. Roosevelt, and I.S. Vanly. Edited by Gerard Chaliand. Translated by Michael Pallis. – L., 1980. – С. 44.

<sup>79</sup> *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. – Ер., 1990. – С. 203.

<sup>80</sup> См.: *Погорелов М.* Курдский вопрос // Война и революция. Кн. III. – М., май 1925.

<sup>81</sup> *Васильев К.* Причина и движущие силы курдских восстаний // Аграрные проблемы. Кн. 9-10. – М., 1931. – С. 99.

<sup>82</sup> *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917-1923), с. 182.

<sup>83</sup> *Саакян Р.Г.* Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918-1923 гг. – Ер., 1986. – С. 151.

<sup>84</sup> *Peretz D.* The Middle East today. – N. Y., 1988. – С. 100.

<sup>85</sup> *Othman All.* The Kurds and the Lausanne Peace negotiations. 1922-1923 // Middle Eastern Studies. – July 1997. – Vol. 33. – № 3. – С. 521.

<sup>86</sup> *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III, с. 204.

<sup>87</sup> *Поцхверия Б.М.* Турция между двумя мировыми войнами (очерки внешней политики). – М., 1992. С. 184.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Ю.В.Агавельян</b> ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ЛИВАНЕ	3
<b>А.Д.Акжигитов</b> ИОРДАНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДОГОВОР О МИРЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ	12
<b>АМИР РИФААТ</b> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРАБСКОМ МИРЕ	24
<b>Аль-Амри Саид Сальман</b> РОЛЬ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В ХОДЕ КРИЗИСА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990-1991 гг.)	40
<b>Али эль-Асад</b> ВОЗДЕЙСТВИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ИОРДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	57
<b>Али эль-Асад</b> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСКОРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА	77
<b>Д.С.Бабкин</b> НЕФТЕГАЗОВАЯ КОМПАНИЯ СОНАТРАК – ОСНОВА АЛЖИРСКОЙ ЭКОНОМИКИ	83
<b>Р.И.Беккин</b> ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ СУЩНОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ НОРМАМ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА	90
<b>А.М.Вартанян</b> МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСЫ И ИНВЕСТИЦИИ В СТРАНАХ ЭСКСА ВО 2 ПОЛОВИНЕ 90-х гг.	134
<b>Е.Л.Гаршенина</b> ИЗРАИЛЬСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ	143
<b>А.В.Кантемиров</b> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ СО СТРАНАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ	161
<b>М.Е.Касторный</b> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В ЕГИПТЕ (1970-1990 гг.)	167
<b>М.Е.Касторный</b> СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ЕГИПТЕ	186
<b>И.В.Кононенко</b> ПРОЕКТ «ГОЛУБОЙ ПОТОК» – ВЫБОР ТУРЦИИ И РОССИИ	196
<b>И.Г.Косач</b> МИРНЫЙ ПРОЦЕСС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СИРИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ	202

<b>А.С.Косиков</b> ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРЦИИ	212
<b>С.В.Лэнгфорд</b> ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ИЗРАИЛЯ В 90-Е ГОДЫ. МИРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ	218
<b>Н.Е.Малюта</b> ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В 80-90-е гг.	228
<b>Н.В.Мелехина</b> РАЗРАБОТКА ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ И ИХ РЕАКЦИЯ НА ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ В ПАКИСТАНЕ	238
<b>Н.З.Мосаки</b> КУРДИСТАН: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ	251
<b>И.М.Никулина</b> СОЮЗ АРАБСКОГО МАГРИБА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	273
<b>М.А.Новгородова</b> ИНСТИТУТ ЭКСПОРТА ИЗРАИЛЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП	283
<b>М.В.Рябов</b> К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ И ОЦЕНКЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА)	289
<b>А.К.Сергеев</b> ЕГИПЕТ: ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	305
<b>С.А.Трубникова</b> ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ТУРЦИИ	313
<b>ХАМАМДЕХ МУХАММАД</b> САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ, БАЗИРУЮЩЕЙСЯ НА НЕФТИ	319
<b>Н.В.Хаустов</b> ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИЗРАИЛЕМ В 90-е гг.	333
<b>В.В.Хуторская</b> ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – РЕГИОН СТОЛКНОВЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ	352